

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов,
спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы
спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Александр Александрович Тамоников
Война после победы
Серия «Спецназ Берии.
Герои секретной войны»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74388671
ISBN 978-5-04-252921-4

Аннотация

Роман о военном времени, о сложных судьбах и опасной работе неизвестных героев, вошедших в ударный состав «спецназа Берии».

Июнь 1945 года. В Кенигсберге при загадочных обстоятельствах погибает полковник СМЕРШа Крымов, сумевший добыть уникальный архив, содержащий компромат на нацистов, а также на некоторых советских генералов и партийных работников, сотрудничавших с немцами. После гибели Крымова документы исчезли. Группе Максима Шелестова поручено в кратчайший срок разыскать пропавший архив. Если он попадет к союзникам, под угрозой шантажа окажутся члены Политбюро и ведущие специалисты наркоматов. Шелестов выясняет, что перед смертью полковник успел отдать чемодан с документами надежному человеку. Оперативники организуют

поиски связника, понимая, что погоня за компроматом превращается в жесткую схватку с невидимым врагом...

А. Тамоников – один из самых популярных авторов в российских библиотеках. Общий тираж его книг составляет более 10 миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Война после победы

Иллюстрация на переплете Владимира Нартова

© Тамоников А. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Полковник Крымов медленно вел машину по улицам Кенигсберга. Торопиться не хотелось – нужно было подумать, почувствовать понять. Война окончена, но время – удивительная субстанция: здесь, в развалинах Кенигсберга, оно словно раздвоилось. Отгремели залпы штурма, но война еще не стала историей – она застыла в остекленевших провалах окон, в запахе гари, въевшемся в кирпичную пыль, в воронках на мостовых, наполненных дождевой водой, отражающей бледное балтийское небо. Это был город-призрак, город-фантом, замерший на пороге между гибелью и неизвестностью.

Тот, кто помнил Кенигсберг довоенный – солидный, чопорный, с красными черепичными крышами и готическими шпилями, уходящими в облака, – теперь с трудом узнавал эти места. Перед глазами представал совершенно иной пейзаж. Почти девяносто процентов исторической застройки превратились в руины. Улицы, еще сохранившие свои старые названия на табличках, напоминали каменные реки с обвалившимися берегами. Вдоль них стояли не дома, а декорации к трагедии: фасады с пустыми глазницами окон, за которыми зияла пустота; здания, разрезанные бомбами, словно гигантским ножом, обнажавшим комнаты с уцелевшими обоями и печами на верхних этажах.

В центре города, над морем щебня, возвышался остов Королевского замка. Его мощные стены, помнившие тевтонских рыцарей и прусских королей, были иссечены осколками. От бывшего величия остался лишь скелет, над которым все еще возвышалась одна из башен, но и та была обречена. Перед замком, словно символ поверженной гордости, стояла статуя «железного канцлера» Бисмарка. Он все еще смотрел куда-то вдаль застывшим каменным взором, но на его щеке зияла рваная дыра от пули.

Однако полковник СМЕРШа Дмитрий Михайлович Крымов не чувствовал Кенигсберг июня 1945 года мертвым городом. Скорее, тот находился в летаргическом сне, и жизнь теплилась в нем, как огонь под пеплом. Вдоль магистралей, кое-как расчищенных от завалов, двигались странные процессии: навстречу друг другу шли две эпохи. На запад, под конвоем, брели колонны пленных немецких солдат – вчерашних защитников «крепости», с потухшими взглядами, в пыльных мундирах, на восток, обгоняя их, ехали грузовики с советскими офицерами, везли первые партии трофейного имущества, спешили по делам комендатуры.

Но были и другие. Среди развалин, как тени, бродили оставшиеся жители – почти исключительно женщины, старики и дети. Те, кого Геббельс убеждал в величии рейха, теперь, согнувшись, разбирали завалы или подметали очищенные от щебня участки улиц. Их лица, серые от пыли и горя, хранили печать обреченности. Они боялись поднять глаза на

новых хозяев города, но в них уже не было ненависти – только тупая усталость и страх за завтрашний день.

В руинах Кнайпхофа, на острове между рукавами Прегеля, стоял израненный Кафедральный собор. Снаряды сбили его острые шпили, кровля провалилась внутрь, но стены чудом устояли. Тишина здесь была особенная – здесь покоился прах Канта, и сама история, казалось, оплакивала гибель города, взрастившего великого философа. Ветер шелестел страницами книг, разбросанных среди камней бывшего университета «Альбертина». Философские труды, диссертации, фолианты, копившие знания столетиями, теперь гнили под дождем, превращаясь в грязь. И все это еще предстояло восстанавливать, защищать, пытаться сберечь, сохранить память – не только материальную, но и душу города.

А ведь была и третья сторона жизни, о которой знали, скорее всего, только люди в погонах. Оставались в городе те, кто не принял новых хозяев, кто готов был продолжать сражаться, убивать исподтишка ночью ножами, пистолетными выстрелами, закладывать взрывчатки, отравлять водопроводы. Фанатики из «Вервольф», националисты, глубоко законспирированные агенты СД и гестапо. И если думать об этом, то сразу июньский воздух начинал казаться тяжелым, наполненным сладковатым запахом тления, шедшего из-под развалин, едкого известкового дыма и сырости близкой Балтики. Сквозь эту вонь иногда пробивался терпкий аромат сирени, которая чудом уцелела в чьем-то палисаднике и теперь

буйно цвела, не замечая войны. Этот контраст нежной жизни и каменной смерти был особенно разителен.

Звуки тоже были особенными. Звонкая тишина, прерываемая лишь карканьем воронья да стуком капель, падающих с обломков. Редкий гул армейского «Студебеккера», пробирающегося по руинам. Или стук кирки и лопаты – это команды пленных и местных жителей начинали медленную, каторжную работу по превращению хаоса в расчищенную площадку. На окраинах, где разрушения были не столь тотальные, – в районах вилл и особняков Амалиенау или Ратсхофа, – жизнь теплилась чуть заметнее. Там в уцелевших домиках с черепичными крышами ютились немецкие семьи, а в лучшие из них уже вселялись советские офицеры, начиная обустраивать быт и рассматривая фотографии в чужих альбомах.

Кенигсберг июня 1945 года был городом на изломе. Это был уже не форпост германства, но еще и не новый советский город, самый западный в стране. Это было чистое поле, усеянное обломками великой культуры, место, где история сделала крутой поворот. Город напоминал раненого зверя, который затаился в ожидании – то ли смерти, то ли исцеления. И над всем этим хаосом разрушения стояло удивительно светлое, почти мирное июньское солнце, равнодушно освещая будущее, которому только предстояло вырасти из этих камней.

Дмитрий Крымов вышел из машины, привычным движением, сунув пальцы под ремень, расправил гимнастерку,

одернул ее сзади и задумчиво посмотрел на видневшуюся за деревьями кирху памяти королевы Луизы. После развалин других частей города удивительно было видеть, что район Амалиенау за время боев почти не пострадал. Особняки в зелени деревьев все также радовали глаз и наполнили грудь воздухом, как и до войны. Заложив руки за спину, Крымов неторопливо шел по тенистой улице, глядя на особняки. Тот, который ему нужен, где-то здесь, с краю.

Вот он – черепичная сложная крыша, два балкончика с резными перилами, углубленный в фасад вход и два крыла так называемого двойного особняка. Забор уцелел почти полностью, а вот кованую калитку спасти не удалось. Крымов остановился у временной, сбитой из досок, калитки и посмотрел на окна. Особняк фон Гросс-Винзен, в котором в годы войны располагалась резиденция обергруппенфюрера СС фон Грейфенберга. После эвакуации ведомства Грейфенберга особняк обшарили вдоль и поперек, даже с миноискателями. Но Крымову все же казалось, что немцы не могли успеть вывезти все. Он допросил десятки свидетелей среди пленных, тех, кто имел отношение к обслуживанию особняка при немцах, кто был свидетелем панического бегства нацистов. Да и когда передовые подразделения вошли в эту часть города, Крымов вместе с солдатами первым делом пробрался сюда. Разруха была страшная: множество бумаг валялось просто на полу, папки, документы, вскрытые сейфы и разбитые столы. Но никто не видел личного архива обер-

группенфюрера, а в нем самого ценного – списка агентуры не только здесь, в Кенигсберге, не только в Восточной Пруссии...

Крымов перелопатил множество материалов. Он хорошо знал, что в состав структуры безопасности нацистской Германии, которая существовала в Германии с 1936 года, кроме уголовной, входила и политическая полиция, поэтому полиция безопасности всегда была тесно связана с СД разведывательной службой СС. Более того, фон Грейфенберг был выходцем из СД. И когда в сентябре 1939 года полиция безопасности и СД были объединены в Главное управление имперской безопасности (РСХА), Грейфенберг уже официально продолжил заниматься разведкой с территории Восточной Пруссии. Сведений, что немцы успели эвакуировать архив, Крымов так и не получил. Зато он получил информацию, что особняком кто-то интересовался, какое-то неустановленное лицо. Использовать здание под детский приют, в котором будут содержаться дети, предложила комендатура, пока власти занимаются розыском их родителей. Других предложений не поступало. И в настоящее время внутри особняка активно шли ремонтные работы. А может, он здесь, этот тайник? Других объяснений в голову не приходило.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул полковник, открывая калитку и входя в замусоренный строительными материалами двор.

Где-то в доме закашлялся человек, а потом открылась входная дверь, и на пороге появился немолодой мужчина в накинутах на плечи солдатском ватнике. Он строго посмотрел на гостя, но быстро узнал в этом военном старого знакомого.

– А, это вы, Дмитрий Михайлович! Давненько не виделись. Все служба покоя не дает?

– Да такая уж она у меня, – усмехнулся Крымов, – беспокойная. Даже когда пушки не стреляют. А ты-то как, Аким? Все охраняешь?

– Я старый партизан, у меня ухо остро, – рассмеялся старик. – Только охранять тут не от кого: ни воров, ни фашистов. Тех, понятное дело, прогнали, а энтих... Воры, они, Дмитрий Михайлович, как туберкулез: он здоровое тело любит, а воры любят здоровое общество. Тут ведь и красть нечего. А когда нечего красть, то откуда ж ворах взяться...

Крымов улыбнулся, но не стал комментировать эту философию. Уж он-то хорошо знал, какие грабежи были в голодное время и с чем приходилось сталкиваться милиции в блокадном Ленинграде, поэтому сразу перевел разговор на другую тему:

– А что у тебя так тихо сегодня, Аким?

– Воскресенье же, – напомнил сторож. – Когда война была, ни дней недели, ни праздников советских не считали. Да и церковных тоже. У станков спали и ели. А коли мир наступил, то передых рабочему человеку надо хоть немного дать,

а то надорвется человек. Ведь, почитай, четыре года...

Сзади вдруг хлопнула калитка, и Крымов обернулся. Немолодой, грузный мужчина в спецовке и кепке, сдвинутой на затылок, приветливо поднял руку, идя к полковнику. Прораб Зотов, который вел этот объект, был человеком дотошным, как и все строители. Даже в выходной Ивану Матвеевичу не сиделось дома – все что-то надо обдумать, да проверить, да наметить уже сегодня, чтобы с понедельника рабочие уже получили следующее задание.

– Здорово, Матвеич, – полковник пожал руку прорабу. – Хотел вот еще пройтись по твоему объекту, пока рабочих нет. Не будешь возражать?

Зотов только рассмеялся. Запретить, да еще офицеру СМЕРШа... А вообще-то, прораб прекрасно понимал ситуацию. Только отгремела война, территория совсем недавно освобождена от фашистов. Тут не только СМЕРШ, тут в любой момент можно даже саперов увидеть. Если нужно такому человеку, значит, есть на то причина. И долг каждого советского человека, помогать армии и органам.

Прораб походил по зданию, что-то там измерял, записывал себе в толстую тетрадь, разворачивал чертежи. Крымов был неподалеку и, по большому счету, лишь ждал, когда Зотов уйдет. Схемы и чертежи полковнику были не нужны. Он за эти дни выучил их так, что мог с закрытыми глазами показать, где проходят коммуникации, где капитальные несущие стены, а где внутренние перегородки. Да и секретность

вопроса требовала, чтобы до поры до времени никто не знал, что полковник Крымов все еще что-то ищет здесь.

Перед уходом Зотов снова пошел к Крымову и окинул взглядом ободранные стены, разобранные полы, неопрятные дверные проемы. Прораб по-своему оценил визит офицера СМЕРШа.

– Понимаю, красиво было, со вкусом. Мастера делали, архитекторы строили. Есть о чем сожалеть, но не наша вина, что все вот так. Будь спокоен, Дмитрий Михайлович, восстановим, будет тут опять красиво, и детишкам будет тут хорошо.

«Детишки, архитекторы, – подумал про себя Крымов, когда, наконец, остался один, – если бы дело было только в этом. Это для них война кончилась, а не для нас». И полковник пошел методично обходить помещение за помещением. По агентурным данным, не весь архив был вывезен. Хватали и вывозили второстепенные документы. Об этом можно судить по тому, что погрузкой занимались простые солдаты. Человек, близкий к руководству, сообщал, что никаких тайных, ночных и секретных грузов отсюда не вывозили. Не успели – это было очевидно. Бронированная машина и охрана из пяти офицеров СД погибли во время артналета неподалеку отсюда. Среди них был и заместитель фон Грейфенберга.

«Итак, – снова начал рассуждать Дмитрий Михайлович, – тайник». Вариант первый – он мог быть хорошо оборудован-

ным для длительного использования, для постоянного хранения документов. В этом случае он должен был располагаться в кабинете обергруппенфюрера. Или в смежной комнате, секретной, куда имел доступ только хозяин. Но такой комнаты не было. Толщину стен в районе кабинета вымерили до сантиметра, и никаких пустых пространств между ними не нашлось. Им не было там места. Подобную комнату для хранения особо секретного архива никто не додумался бы делать в другой части здания. Глупо – это уже не секретность. Остается секретный сейф, пусть даже ниша в стене, между стенами, которую оборудовали специально для хранения этого архива или... использовали только в последний момент, чтобы его спрятать. Спрятать, потому что группа эвакуации так и не прибыла, а передовые подразделения советской армии были уже в городе.

Этот архив был со сведениями, с информацией по особо ценным агентам полиции безопасности, а потом и СД. Там и довоенная агентура, которая была законсервирована или активно работала. И если архив не вывезли, то за ним начнут охотиться, его попытаются вывезти любой ценой. Поэтому времени у Крымова на поиски было очень мало. Итак, личный архив, основные сведения не по всей, а по особо ценной агентуре именно на территории СССР. Каков он по объему? Да не больше саквояжа или небольшого чемодана. Он должен был храниться только в кабинете, в других помещениях столь ценные сведения Грейфенберг держать не стал бы.

Нет здесь бронированной комнаты, похожей на банковское хранилище. Но должен быть тайник. Удобный и всегда под рукой.

Крымов вошел в кабинет обергруппенфюрера и осмотрелся. Он был здесь уже раза три. Они с оперативниками простукивали стены, полы и даже потолки. Никаких пустот. Стол сдвигали и под ним искали тайник, даже тяжелый засыпной сейф двигали ломami. Кстати, немцы сейф оставили открытым, забрав все важное и ценное. Но все же чемоданчик должен быть – оперативная информация точная и перекрестно проверенная.

Полковник обвел взглядом кабинет. Старинный стол, несколько стульев какого-то известного мебельного мастера, занавески на окнах, большой сейф и камин. Вот и все. И искать больше негде.

Камин. Крымов подошел к нему, посмотрел на пепел, на остатки плохо подметенной золы и сажии на кирпичах. Ну, в каминах архивы не прячут. Там температура такая, что... И тут взгляд оперативника упал на заднюю стенку камина. Когда его в последний раз разжигали? Ну-ка, ну-ка... разжигали? Не подвел опытный взгляд полковника. Кирпичи задней стенки, швы в кладке... Но почему-то черная сажа в швах на горизонтальной поверхности. А если на каждый шов внимательно посмотреть снизу или фонариком посветить... Копоть обычно снизу поднимается, и дым должен снизу идти и оседать ровно на все поверхности, а здесь... Сажу совком,

что ли, на стенку набрасывали?

«Как же я раньше не додумался», – вдруг разозлился на себя Крымов и сунул руку под железный колпак камина. Пальцы и ладонь остались чистыми. Он выругался, бросился на верхний этаж, но не увидел дымохода, выложенного, как на предыдущем этаже, вплотную к стене дома. Стена тонкая – внутренняя перегородка, а не стена. Внутри канала дымохода просто не может быть. Открыв мансардное окно, Крымов высунулся по пояс. Так и есть – над тем местом, где на среднем этаже был установлен камин, трубы дымохода нет. Ближайшая – на противоположном скате крыши.

Вернувшись к камину, Крымов осмотрел пол самой топки. Так и есть. У самого края пол чистый. Достаточно места, чтобы, поставив ногу, не испачкать обувь в саже и не наследить потом в кабинете. Теперь внутри. Крымов включил фонарик, поставил ногу на чистый участок в топке и посмотрел вверх. Никакого канала дымохода, конечно, нет. А вот на двух кронштейнах стоит нечто черное, небольшое. Сердце оперативника забилося так сильно, что, казалось, было слышно в других комнатах. Протянув руку, Крымов снял с кронштейнов небольшой чемоданчик размером примерно сорок на пятьдесят сантиметров и толщиной сантиметров двадцать. Помимо замков, крышку придерживал и ремень с пряжкой. Замки! Усмехнувшись, Крымов подобрал с пола обломок какой-то железки и в два счета взломал оба замка. Приподняв крышку, он понял, что удача наконец улыбнулась

ему. Вот они! Папки из тонкого картона, и на обложке черной штемпельной краской нанесен код, состоявший из цифр и букв. Крымов открыл первую. Несколько листов бумаги, несколько фотографий – основные данные на десяток человек. Румыны, словаки, венгры. Несколько поляков, русские. Значит, есть агентура и с довоенных времен на территории СССР.

Шаги, или показалось? Он медленно, стараясь не издавать шума, закрыл чемоданчик, застегнул пряжку. Когда под чьей-то ногой хрустнул кусок штукатурки, Крымов уже стоял сбоку от двери, доставая из кобуры свой пистолет. «А ведь я слишком поверил в то, что война закончилась, – с усмешкой подумал он. – Мы все так долго ждали этого, что поверили сразу и безоговорочно...»

Вдруг под ноги ему закатилась ручная граната, и ничего другого оперативнику не оставалось, как броситься в оконный проем. Над головой грохнул взрыв, вспышка, за которой последовал треск деревянных конструкций, что-то обрушилось, а Крымов, удачно приземлившись на кучу песка, перекатился через голову, вскочил на ноги и бросился к зарослям черемухи на краю участка. Выстрелов не последовало. Наверное, это было хорошо, потому что нападавшие не успели понять, куда он делся из комнаты после взрыва гранаты. А когда поймут, то преследовать человека с чемоданом им будет трудно. Мелькнула мысль: «Куда я побежал? Ждут меня на улице автоматчики в машине или другая подмога?...»

Мир вздохнул с облегчением. Оно было тревожным, непонятным, но закончились бои, самолеты больше не поднимаются в небо и не вываливают свой смертоносный груз на города. Не грохочут орудия, не ревут танки. Да, где-то еще продолжаются перестрелки, где-то остатки гарнизонов нацистских фанатиков еще не верят, что Германия подписала полную и безоговорочную капитуляцию, но войска уже остановились. В Москве и Ленинграде уже отменили ночное затемнение городов. Люди впервые за эти годы смотрели на ночное небо без опаски, снова на подоконниках появились проигрыватели, и полилась музыка по вечерним городам...

Только немногие знали, что с последними выстрелами война не закончилась для разведчиков, для оперативников НКВД, СМЕРШ. Для сотрудников этих служб начались еще более трудные времена. Враг оставил за собой опасный след, враг спрятался, оскалил зубы и готовился кусать смертельно, наносить удары там, где их не ждали. Кончилась горячая война, теперь схватки будут тайными, скрытыми, но не менее опасными...

Едва группа Шелестова покончила с рапортами и отчетами по последней операции, едва только у Когана затянулась рана на плече, и перестала болеть нога, как группу подняли среди ночи. В дверях стоял адъютант Берии, подполковник Коротин. Как всегда, чуть прищуривая левый глаз, как

всегда, с ироничной улыбкой. Аккуратная прическа, ровный пробор и до блеска начищенные хромовые сапоги.

– Не хочу вас расстраивать, ребята, но сегодня вам поспать не придется.

– Евгений Дмитриевич, – усмехнулся Сосновский, натягивая форменный китель. – С каких это пор приказы наркома стали передаваться в такой витиеватой форме. Хотя если добавить некоторой художественности образов, то...

– Я думаю, что вам лучше одеться во все гражданское, – не меняя выражения лица и интонаций, сообщил Коротин. – Был намек на такое пожелание.

– Поторопитесь, – холодно приказал Шелестов, чтобы прекратить это пустое словоблудие.

Максим знал, что Сосновский терпеть не может адъютантов, но верил в здравомыслие Михаила: доводить ситуацию до абсурда он не будет, все останется на уровне сарказма и иронии. Да и подполковник Коротин был человеком неглупым, вот только с чувством юмора у него плоховато. А сегодня он еще на удивление немногословен.

Группу провели прямо в кабинет Берии, где уже находился Платов. Стало тревожно, когда оперативники поняли, что нарком сидит за столом мрачнее тучи. Редкое явление – обычно Берия умел превосходно скрывать свои эмоции и настроение. А сейчас он или не находил нужным их скрывать, или произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Я провел их через наш гараж, – почему-то пояснил адъ-

ютант. — В коридоре никого не было.

Берия кивком отпустил Коротина, посмотрел на Шелестова, потом прошелся по лицам каждого оперативника и, наконец, велел всем сесть, заговорил. Говорил он нервно, отрывистыми фразами, как будто злился на себя самого за то, что допустил подобную ситуацию. И от этого волнения или негодования грузинский акцент Берии стал еще более заметен.

— Вас ждет срочное и очень важное задание, товарищи! Ситуация настолько серьезная, что от ее развития, тем более развития негативного, зависит очень многое. И не только на внешнеполитической арене. Я не берусь даже прогнозировать события внутри страны, имейте это в виду. Изложите суть, Петр Анатольевич!

Платов спокойным тоном стал рассказывать об обергруппенфюрере СС фон Грейфенберге. О том, какие посты он занимал в немецкой службе безопасности с довоенных времен и вплоть до мая 1945 года, и о том, что под руководством этого человека была создана агентурная сеть в странах Восточной Европы и СССР. Это не была массовая агентурная сеть, которую пытался в свое время организовать абвер. Грейфенберг собирал людей, которые могли со временем подняться по карьерной лестнице в национальной промышленности той или иной страны, в органах власти, занять такие позиции, которые позволили бы использовать этого человека впоследствии как источник важнейшей секретной ин-

формации или как агента влияния. Советская контрразведка СМЕРШ подобралась к самому обергруппенфюреру, но захватить его во время штурма Кенигсберга не удалось. Грейфенберг бежал из города до его начала вместе со всей декантацией своего подразделения. Но самое ценное, как следует из оперативных сведений, которыми располагал СМЕРШ, Грейфенберг вывезти не успел.

– Но если, как вы говорите, он бежал из города до начала штурма, – сразу ухватился за эту мысль Шелестов, – тогда что ему помешало забрать и свой секретный архив?

– Я бы так сказал, Максим Андреевич, что помешала ему типичная немецкая скрупулезность и перестраховка, – чуть заметно усмехнулся Платов. – Просто взять небольшой черный чемоданчик с документами, сесть в автомашину и уехать он не рискнул. Понимал, что за этими документами охотимся и мы, и другие разведки. Группа, которая должна была забрать документы, погибла во время артиллерийского налета. Выслать другую или вернуться самому не удалось.

– Да, но вы говорите, что СМЕРШ располагал информацией? – внимательно посмотрел на Платова Сосновский. – И, учитывая особую важность этой документации...

– Все правильно, Михаил Юрьевич, все правильно, – кивнул Платов. – Искать начали сразу, как только передовые части вошли в город. И не находили. А вчера наконец нашли тайник, и в нем тот самый черный чемоданчик с документацией. Но на этом хорошие сведения кончаются. Теперь о

плохом. Полковник СМЕРШа Крымов, который обнаружил чемоданчик, убит. Документы пропали. Их судьбу мы предположить не можем, потому что нет точной информации о случившемся. Ваша задача – срочно вылететь в Кенигсберг и не просто выяснить обстоятельства гибели полковника, а найти во что бы то ни стало эти документы.

– В этих бумагах, – снова заговорил Берия, – есть еще компромат и на нацистов, и на некоторых советских генералов и партийных работников, которые могли сотрудничать с немцами в плену или вести двойную игру еще до войны. То, что я сейчас произнесу, не должно быть вами произнесено никогда и нигде. Лучше бы вам этого вообще не знать, но тогда вы не сможете выполнить задание. Поэтому говорю открыто, что, по данным агентуры, фон Грейфенберг курировал сеть агентов абвера, внедренных в СССР в тридцатые годы. Некоторые из них до сих пор живы, занимают высокие посты и, возможно, ждут новой войны, чтобы активизироваться.

Оперативники молча переглянулись и подумали об одном и том же: розыском этих документов может заниматься кто угодно из советского правительства, кто замешан и не замешан, кто даже не имел никогда отношения к разведке или вербовке, но хочет получить власть над...

Берия приказал оперативникам выйти и подождать в приемной, попросив Платова задержаться.

– Ты все понимаешь, Петр Анатольевич. – Помолчав, Берия поднялся из-за стола и подошел к комиссару госбезопас-

ности вплотную. — Мы сейчас с тобой ввязываемся в такую игру, из которой живыми не всегда выходят. И отказаться от нее мы не имеем права, потому что за нами страна. А кто друг, и кто враг — даже в этом здании, — знать нам пока не дано. Так что приказ простой: найти чемодан любой ценой. Времени у нас, я думаю, не больше десяти дней. Если чемодан попадет к американцам или англичанам, завтра они будут шантажировать каждого второго в Политбюро и уж точно ведущих специалистов в наркоматах и в отраслях стратегического значения. В случае успеха оперативников представишь к орденам, а им придется забыть, что видели эти бумаги и знали о них...

Наступила ночь, а оперативники все еще сидели в небольшой комнате, единственное окно которой выходило на летное поле. Дождь зарядил как-то уж совсем не по-осеннему тоскливо, барабания по подоконнику и стекая по стеклу неплотно закрытого окна. Где-то рядом журчала вода, которая стекала с крыши в пустую бочку. По прогнозам, дождевой фронт должен был пройти в течение часа, и группа ждала на аэродроме, сидя в темноте и закутавшись в плащ-палатки в холодной комнате.

— Работаем по старой схеме, — тихо говорил Шелестов. — Я — единственное официальное лицо в форме и всем представляюсь сотрудником центрального аппарата НКВД. Никому, кроме меня, форму не надевать. Михаил, ты знакомишься

с делами пособников и предателей. Пытаешься войти в эту среду. Контакты, свидетели, те, кого оправдали или на кого не было улик. Ты хорошо знаешь, что такое подполье и замороженная агентура. Особое внимание тем, на кого были доносы у немцев, но кто избежал арестов и допросов. Борис...

– Понял, – догадался Коган. – На мне место происхождения, опрос тех, кто выезжал, кто было свидетелем и кто мог быть свидетелем. И допросы тех, кого арестуете.

– Витя, займись радиоэфиром, – сказал Шелестов Буторину. – С местными радистами пообщайся, журналы посмотри. Нас интересуют все непонятные передачи, странные частоты, на которых проходил радиообмен. Пусть и не самый активный, но если несколько передач после освобождения города на незнакомой частоте были, то это уже интересно. Наверняка в городе работает или нацистская агентура, или разведка других стран.

– Нас всего четверо, – отозвался в темноте голос Буторина. – А отрабатывать одновременно придется сразу несколько версий. И плясать нам придется от места преступления, а не от возможных лиц, у кого был мотив. Если работала иностранная разведка, то чемодана нам не видать. Берег моря рядом – любой катер, подводная лодка в крайнем случае. Если какая-то разведгруппа захватила чемодан, то операция была спланирована и он уже далеко. Шансов у нас нет.

– А я вот сомневаюсь, что это спланированная акция, – возразил Сосновский.

– Поясни, – потребовал Шелестов.

– Город только что освобожден. Чтобы сформировать подпольную группу, нужно подобрать людей в городе или легализовать своих, введя их в город. Нужно подготовить операцию, нужно изучить положение в городе, режим. Нет, это нереально за такой короткий срок. Единственное, на что я могу согласиться, что из города ушли не все нацисты. Кто-то залег на дно с приказом добраться до тайника с чемоданом. В таком случае сложность у них будет только одна – с маршрутом выхода из города. А это значит, что чемодан еще в городе.

– Проектор на полосе! – вдруг подал голос Коган. – Ребята, дождь перестал!

Глава 2

Крымов был убит именно здесь, оснований сомневаться не было. И не потому, что Шелестов с Коганом рассматривали фотографию, сделанную сотрудниками СМЕРШа, на которой тело полковника лежало у дальней стены этой комнаты разрушенного здания. Много крови было под телом. Его не принесли сюда, чтобы инсценировать что-то. Вот здесь Крымов осторожно пробирался к дверному проему у дальней стены, и именно здесь он нарвался на пулю: одну и прямо в грудь, но, падая, Крымов успел сделать в кого-то два выстрела. Вот здесь лежали две гильзы его ТТ, и здесь их заливало вытекавшей кровью.

– Мы думаем, что стрелял снайпер, – сказал молодой лейтенант с двумя нашивками за ранения на правой стороне гимнастерки.

– Нет, его тут ждали, – возразил Коган. – Засада это, лейтенант. Снайпер стрелял бы сюда через окно с улицы. И полковник не стал бы стрелять в снайпера из пистолета, потому что снайпер мог находиться на расстоянии метров в сто от него. А полковник стрелял в дверной проем, который ведет в другую комнату. Вон туда. Пулю уже смотрели?

– Никак нет, – заволновался лейтенант. – Сегодня утром обещали вскрытие сделать и извлечь пулю.

– Утром? – Коган посмотрел на наручные часы. – День

уже! Время – половина первого!

– Как ты думаешь, – тихо спросил Шелестов, – чемодан был при нем, когда его убили?

– Думаю, что не было, – покачал головой Коган и снова взял в руки фотографию, которую сделали криминалисты на месте происшествия. – Смотри, пистолет у Крымова зажат в правой руке. Значит, если чемоданчик и был, то в левой руке. Но тело лежит на левом боку, и левая рука под ним – пустая.

– Вытащили из руки чемодан, – предположил Шелестов.

– Нет, тело не переворачивали, – снова покачал головой Коган. – Здесь пыльно и грязно. Посмотри на колени Крымова. Когда он получил пулю, то стал падать и сначала коснулся грязного пола коленями, потом упал на левый бок. Нет, Максим, тело не трогали. Не было в момент убийства при Крымове чемоданчика. Но они решили, что он его здесь спрятал, поэтому и напали. А его здесь нет. Нашли?

– Крымов не дилетант, – возразил Шелестов. – Была причина, по которой он не сел с чемоданом в машину и не поехал в гарнизон, но какая? Прятать здесь, в развалинах, такие документы? Не стал бы! Если он где его и оставил, то это очень надежное место – на сто процентов надежное. Поехали. Ты поговори с этим прорабом Зотовым, осмотрись в коттедже, а я наведаюсь в госпиталь.

Местный СМЕРШ сразу понял, что сторож Аким Пахомов – ценный свидетель, чудом оставшийся в живых. Его на-

шли там же, на втором этаже, без сознания, с пробитой головой. Он не дошел до кабинета обергруппенфюрера всего несколько метров, когда его ударили по голове тупым твердым предметом. Картина получалась довольно яркой. Кто-то застал Крымова с чемоданом, который тот нашел в тайнике. Эти люди или шли и знали, где тайник, или хотели обыскать помещение. Вполне может быть, что за Крымовым следили изначально. Или за коттеджем.

Лечащий врач встретил Шелестова в коридоре. Он понимающе кивал головой, когда оперативник убеждал его в необходимости допроса, но все же предостерег от излишних волнений, которые вредны для Акимова. Он слишком слаб еще, хотя и находится в сознании. Молодой офицер в накинутах поверх военной формы белом халате шагнул навстречу Шелестову. Проверив его документы, лейтенант вежливо кивнул:

– Проходите, товарищ подполковник. Я предупрежден о вас.

Шелестов вошел в маленькую палату, наскоро оборудованную из какого-то подсобного помещения. Старик с трехдневной щетиной на лице и темными кругами вокруг глаз лежал в кровати, по плечи укрытый простыней. Голова его была плотно забинтована. Но когда в палате раздались шаги, Пахомов сразу открыл глаза и вопросительно посмотрел на визитера. В глазах был вопрос, но и достаточно боли. «Старик хоть и крепкий, – подумал Шелестов, – но досталось ему

сильно. Выжил бы сторож, жаль, если не выкарабкается».

– Как вы себя чувствуете, Аким Савич? – спросил он, пододвигая к кровати табурет и усаживаясь на него.

– Как чувствую... Как на войне. Думали, кончилась она, ан, нет...

– Ничего, – ободряюще улыбнулся Шелестов. – Сломали хребет немецким нацистам, армию их разгромили, справимся и в этой войне, пусть она и будет тайная и многим невидимая. А с такими гражданами, как вы, Аким Савич, грех не справиться. Весь народ с нами.

– Да вот подвел я вас, – вздохнул сторож, повел глазами в сторону окна, но, видать, от такого движения его сразу замутило, и он закрыл их.

– Что случилось, того не изменить. Не корите себя, – сказал Шелестов. – Знал бы, где упадешь – соломку бы подстелил – так у нас говорят. Расскажите, что там случилось. Да не торопитесь. Спокойно говорите, не мучайте себя.

И Пахомов начал говорить. Говорил он медленно, с долгими паузами. У него часто пересыхало во рту, и Шелестов поднимался со стула и давал ему воды из стакана, стоявшего на тумбочке у изголовья.

Картина вырисовывалась простая. Когда полковник Крымов, перекинувшись несколькими словами со сторожем, а потом еще и поговорив с прорабом, вошел в коттедж, вокруг все было тихо и обыденно. Прораб Зотов какое-то время ходил по объекту, потом уехал. Крымов не показывался, осмат-

ривая внутренние помещения, и сторож добросовестно принялся обходить двор по периметру.

Территория вокруг коттеджа была небольшой и огорожена металлической сеткой в металлической раме. Ограждение невысокое и, как говорится, «от честных людей». Перелезть через него в любом месте – дело плевое. Но, как говорил Пахомов, здесь не воровали, да и красть было нечего. Должность сторожа была формальной, так, больше для порядка, чем для охраны имущества. Но работу свою Пахомов выполнял добросовестно. И успел заметить, как в дом кто-то вошел через главный вход. Одет он был не в военную форму, как Крымов, а в обычные, сильно поношенные пиджак и брюки. Это только потом сторож догадался, что проморгал еще двоих посторонних, которые пробрались на территорию и вошли в коттедж.

Старик старался идти тихо. Он не мог объяснить, почему так решил. Сейчас-то сторож понимал, что надо было шумнуть, крикнуть, чтобы посторонние проваливали из здания, что делать тут нечего посторонним. А тут что-то вот нашло на старика, и он пошел, стараясь не шуметь. Последнее, что Пахомов увидел из коридора, который вел к кабинету, – это Крымов, стоящий перед столом, а перед ним небольшой черный чемоданчик. Потом удар по голове такой, что искры из глаз полетели. Ну а потом очнулся уже в машине. Окончательно в себя пришел только здесь, в госпитале.

– И все-таки, Аким Савич, – мягко стал настаивать Ше-

лестов, — сколько этих посторонних было, как вы считаете?
— Трое, — уверенно прошептал раненый. — Трое — точно.
— Вы их всех видели? Сможете описать?
— Двоих видел, — вздохнул старик. — В самый последний момент, когда меня по голове чем-то огрели, я в зеркале увидел их за своей спиной. Один повыше, в кепке, другой пониже, в черном берете. У него еще штаны в сапоги были заправлены.

— А третий? Вы же говорите, что трое их было.
— Третий, этот тот, которого я у входа заметил, когда он в дверь прошмыгнул. У этих двоих штаны светлые были, а у того темные, это я хорошо помню.

«Тупик, — думал Шелестов, выходя из госпиталя. — Есть шанс, что по этим скудным описаниям прораб Зотов опознает кого-то из тех, кто часто бывает на стройке. А если нет? Скорее всего, Зотов света на это дело не прольет. Главное, что? Что чемоданчик был, что нашел его Крымов. Второе — за Крымовым гнались те, кто хотел завладеть документацией. А вот немцы это или разведка союзников, непонятно. Оставался еще вопрос: завладели они чемоданчиком или нет? Коган считает, что в момент смерти чемоданчика в руке Крымова не было. Борис — следователь опытный, он такие вещи на лету схватывает. Можно, конечно, предположить, что Крымов чемодан спрятал, а потом его убили. Или его убили, когда он прятал. Убили и захватили материалы. Не верится? Правильно, что не верится. Полковник Крымов в

СМЕРШе и вообще в контрразведке не первый год. Это еще тот специалист!»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.